

Ольга Солнцева

Найти Мышиного Короля

16+

Ольга Солнцева

Найти Мышиного Короля

«Автор»

2016

Солнцева О.

Найти Мышиного Короля / О. Солнцева — «Автор», 2016

Главный герой повести - странноватый юноша по прозвищу «Инок». Он одаренный программист, но из-за травмы не может нормально общаться и стал изгоем в колледже сервиса. Его однокурсники, наоборот, лишены всяческих талантов, но хотят прославиться как ютуберы. Коварная звезда Тонкая, недалекий красавчик Никитос и гордый южанин Варуш задумывают рискованный видеопроjekt, главную роль в котором предстоит сыграть несостоявшемуся гению. Узнав о злых намерениях ненавистных однокурсников, Инок превращается в монстра, готового убивать невинных. Тем временем к богатству, славе и настоящей любви стремятся директор Скрягин, наркодилер Мамцуров, поэт Гофман-Светлый, стриптизерша Виолетта, литераторша Аннушка и полицейский Максим Часовник. И тинейджеры, и взрослые становятся участниками криминальной истории с элементами мистики. Кто же из них окажется победителем в этом опасном квесте? Психологическая проза Ольги Солнцевой будет интересна не только молодежи, но и более старшим читателям .

© Солнцева О., 2016

© Автор, 2016

Ольга Солнцева

Найти Мышиного Короля

1

Мышей было штук пять: одна белая, а остальные серые. Они спали на опилках, тесно прижавшись друг к дружке. Иннокентий осторожно постучал по прутьям клетки, пытаясь их разбудить, но зверьки не реагировали. Оглянувшись вокруг, он вынул из сумки планшет и направил объектив на пушистый серо-белый комок.

Было время обеда, около трех. Юноша с планшетом оказался единственным покупателем в этом углу большого зоомагазина. Разнообразные представители мелкой фауны вылизывали шерстку, крутили колесики, залезали в кормушки и даже спаривались, но необычного покупателя интересовали только спящие мыши.

Продавцы в оранжевых футболках некоторое время также не замечали юношу в черном. Они уже не раз видели его здесь и знали, что он ничего не возьмет. Он никому особо не мешал, но правила торговли не позволяли использовать видеокамеру без разрешения начальства. К Иннокентию подошла хмурая девушка-продавец и сказала, что здесь снимать нельзя.

Он выслушал ее, важно кивая головой, и произнес что-то невнятное.

Девушка слегка наморщила напудренный лобик, стараясь понять, что он хочет: странный юноша с хвостиком на затылке довольно сильно заикался. Она уже собиралась пойти за старшим по смене, но Иннокентий знаками объяснил ей, что ему нужны мыши из клетки. В доказательство своих намерений он вынул из кармана тысячу рублей.

– Вам все пять? – радостно спросила продавщица.

В ответ юноша в черном не то покивал, не то помотал головой. Он снова был занят: рассматривал, как зверьки на экране скалили зубы.

– А клетку не хотите приобрести? У нас есть комфортабельные клетки со всем необходимым для ваших питомцев! – с энтузиазмом произнесла девушка.

В ответ таинственный покупатель лишь покрутил головой, словно у него затекла шея.

– Обязательно возьмите для них корм, – продолжала настаивать сотрудница магазина. – Они любят поесть, эти малыши.

Иннокентий не обратил на ее слова никакого внимания, но ее это ничуть не смутило:

– В нашем магазине вы всегда найдете экологически чистые корма.

И она без запинки перечислила не меньше пяти торговых марок.

– Так вам какой принести?

Странный юноша снова помотал головой, как лошадь. Девушка быстренько сбегала в соседний зал и принесла увесистый желтый пакет.

«Кто его знает, – думала она. – Может, он инспектор из центрального офиса? Может, он пришел нас проверять?»

Разумеется, Иннокентий не были никаким инспектором. Он учился на втором курсе Колледжа сферы обслуживания, а в зоомагазин ходил исключительно ради забавы. Их сегодня отпустили раньше, и он не знал, чем заняться.

День выдался пасмурный – уже не зима, но еще и не весна. Солнышко то выглянет из-за туч, то снова спрячется. Обычный московский понедельник – вставай по будильнику, трясись среди таких же хмурых людей или стой в нескончаемой пробке. Почему-то в Москве именно в понедельник самые большие пробки на улицах и больше всего народа в метро.

Впрочем, в этот понедельник удача улыбнулась всей пятнадцатой группе. После третьей пары в класс зашел помощник директора и сказал, что Анны Петровны не будет, и они все свободны.

Анна Петровна вела в коллеже русский язык и литературу. Директор еще утром вызвал ее в свой кабинет и строго предупредил, что если она завтра же не принесет справку из психоневрологического диспансера, то ей в этом месяце не видать зарплаты. Литераторша спросила, нельзя ли ей уйти пораньше, и директор отменил русский для всех – и для нее, и для двенадцати отроков.

Так уж совпало, что именно в этот понедельник Никита Коршунов был при деньгах. Услышав, что русского не будет, он обратился к однокурсникам с краткой речью:

– Эй, народ! Айда в «Забавинский»! Я накрываю «поляну».

Народ встретил предложение с энтузиазмом. Гремя лавками и наступая друг другу на пятки, тинейджеры вывалились из класса. В аудитории остался один Иннокентий Королев, которого никто не собирался угощать. Однокурсники его вообще недолюбливали – не то за странную манеру держать себя, не то за привычку ходить во всем черном. Его за это даже прозвали Иноком. В общем, этот Инок остался один в аудитории, а потом тоже решил скоротать время в торгово-развлекательном центре «Забавинский». Он тогда еще совершенно не собирался покупать мышей.

Торгово-развлекательный центр «Забавинский» выделялся из всей округи. Во-первых, он был покрашен с яркие жизнерадостные цвета – желтый и оранжевый. Во-вторых это было единственное здание со скошенной стеной. Ну, а в третьих, на его фасаде недавно установили здоровенный плазменный монитор, который переливался всеми цветами радуги. Вот и сейчас он манил к себе молодежь, точно магический кристалл.

Когда-то тут располагался секретный научно-проектный институт, но это было так давно, что никто из студентов Колледжа сферы обслуживания уже не помнил тех времен. Здание тогда было скучным, серым, с большими окнами и без неоновых букв на крыше.

Потом времена изменились. Из серой типовой коробки сначала вынесли все лишнее, потом пристроили скошенную стену и заделали ненужные окна. Превращение секретного института в торговый центр продолжалось не один год. Старожилам Забавинского района постепенно пришлось забыть не только о былом назначении большого дома на площади, но и о своих прежних занятиях. Впрочем, название «ЗАБАВИНСКИЙ» гораздо больше подходит торгово-развлекательному центру, чем секретному институту. Крупные красные буквы на крыше обновленного здания были теперь видны издалека. Все студенты Колледжа сферы обслуживания прогуливали здесь лекции и семинары.

Ребята миновали маленький скверик, перебежали площадь и шумною толпою ворвались в храм торговли. Здесь, как всегда, было светло и тепло, звучала бодрая музыка и пахло фастфудом. Подталкивая друг дружку, тинейджеры доехали на эскалаторе до третьего этажа и заняли очередь на раздаче. В предвкушении сытного обеда они прикалывались друг над другом.

Что такое «прикалываться» знает любой современный подросток. На молодежном слэнге словечком означает самые разные действия. Так, студенты пятнадцатой группы мололи всякий вздор, толкались, пихались и показывали друг дружке фотки на смартфонах. Фотки, само собой, тоже были прикольными.

Девчонки шушукались, что прикольным сегодня был и Никитос. И правда, семнадцатилетний Никита Коршунов был необыкновенно хорош собой: темные, почти смоляные кудри,

голубые глаза и белая толстовка с ярко-розовой надписью KING. Конечно, кудри, глаза и прочие прелести были у него и раньше, а вот модный прикид появился только сегодня.

– Так, народ, всем колу?

Стоя у кассы, он следил за тем, чтобы никто из компании особо не налегал дармовую еду. – Тонкая, тебе крылышки или бедра? Эй, вы! Не слишком там обжирайтесь на халяву!

Последняя фраза была адресована уже не Антонине Большой по прозвищу Тонкая, а ее приятельницам – Ире Бреевой и Кате Слипчук. Кумушки проворно загружали подносы сверточками, не задумываясь о фигуре.

Никитос с озабоченным видом поглядывал на мелькающие цифры. Когда «поляна» была полностью оплачена, в его бумажнике осталась одна мелочь. Девушка-кассир, по виду тоже студентка, вручила главному спонсору подарок за покупку – воздушный шарик в виде Микки Мауса. Никита взял надувного мышонка и присвистнул не то от радости, не то от досады.

«Гулять так гулять!» – подумал он и чуть не расплескал кока-колу на малиновую голову Тони Большой.

– Ну, ты даешь, Никитос! – похлопал его по спине довольный однокурсник Варуш Карапетян.

Никита был польщен.

До этого Варуш никогда не присоединялся к нему в буфете и, тем более, не признавал лидерства Коршунова. Сегодня же все было иначе.

– Ты, ваще, крутой сегодня! – цокнул языком гордый кавказец.

– Да чё там? Жрите! – отозвался польщенный спонсор и по-хозяйски развалился на неудобном пластиковом стуле.

– Ну, за тебя, Никитос! – поднял бумажный стаканчик артистичный Вадик Рубайло. – Зажигай!

– И всегда оставайся таким же красавчиком, – подхватила Большова, стреляя в его сторону зелеными глазами.

Никита поймал на себе ее взгляд, но тут же сделал вид, что ничего не заметил. Больше всего он боялся, что растеряет весь свой авторитет, поддавшись на уловки девочки с малиновыми волосами. У него, можно сказать, башню сносило, когда она сидела рядом и так откровенно подмигивала. Он, по правде говоря, очень хотел обратить на себя ее внимание.

Конечно, он мог бы быть и попроще. Например, подкатить к ней в коридорчике и вежливо сказать: «Уважаемая Тоня, позвольте пригласить Вас на обед, а потом – на посещение кинофильма!» Он, Никита Коршунов, умел казаться пай-мальчиком, когда хотел, но очень боялся, что его отошлют. Он не сомневался, что будь он пай-мальчиком, зеленоглазая девочка с малиновыми волосами лишь фыркнет: «Отвали, Коршун!»

«И что в ней такого? – любил порассуждать на досуге Никита Коршунов по прозвищу Коршун и сам себе отвечал: – Да ничего особенного. Разве что стройные ноги, чувство собственного достоинства, да еще и умение соображать».

Нельзя сказать, что у других девушек эти качества полностью отсутствовали. Скорее, они просто редко встречались все вместе.

Коршун повернулся к соседке и слегка подмигнул ей черным глазом. Никто из ребят не заметил их переглядок: все аппетитом налегали на еду.

Когда подростки утолили первый голод, простоватая Ира Бреева по прозвищу Бомбочка шмыгнула носом и поинтересовалась:

– Никитос, колись, откуда бабки!

Компания наострила уши, готовясь услышать историю успеха.

В этом торговом центре, где каждый из них уже сто раз слонялся от витрины к витрине, королем мог быть только человек с деньгами. Коршун раньше никогда не устраивал светских

тусовок. Он, помнится, даже как-то стрелял у Варуша десятку на «Сникерс». Он был самым обыкновенным чуваком – не ботаном и не геймером, не изгоем и не шишкой, но сегодня с ним, реально, что-то случилось.

– Да так, – скромно опустил глаза KING в новой толстовке. – Немного срубил в Интернете.

Приятель оживился и потребовал подробностей.

2

– Д-дед, с-смотри, к-какие мыши!

Иннокентий поставил клетку на письменный стол, заваленный ручками и бумажным мусором. Анатолий Кузьмич вошел в комнату и без особенного интереса оглядел новых жильцов.

– Мышей купил? – проворчал он. – Теперь кота надо завести.

Иннокентий не понял шутки старшего родственника и испуганно прошептал:

– Э-зачем к-кота? Он же и-их с-сожрет!

Но дед лишь беззлобно похлопал его по спине:

– Э-эх, Кешка! Какой же ты у меня валенок! Да пошутил я, не бери в голову. Я вижу, тебе за кем-то ухаживать хочется. Не за девушками, так за мышами. Ну что ж, я не против.

Дедовское лицо вдруг посерьезнело. Он взглянул с опаской на новых жильцов.

– Надеюсь, ты их не для опытов купил?

Но внук как будто не расслышал вопроса. Забыв и про мышей, и про деда, он рассматривал фотографию, которая висела на стене, чуть скособочившись в сторону окна.

Заметив, что внук никак на него не реагирует, дед сердито вздохнул и тоже перевел взгляд на скособочившийся портрет десять на пятнадцать. Оттуда на него смотрели трое: непутевая дочь Лариска в какой-то легкомысленной фате, новоиспеченный зять Королев в строгом костюме и их сын Кешка, которому на момент бракосочетания родителей как раз исполнилось четырнадцать лет. Он беззаботно улыбался в объектив, точно первоклассник. Дед сдержанно кашлянул и с тяжелым вздохом поднялся с кушетки. От этого шума за спиной внук вздрогнул и засуетился возле новоиспеченных квартирантов. Сдвинув учебники и тетрадки на самый край стола, он поставил туда маленькую клетку и стал неуклюже сыпать туда корм из желтого пакета.

Так уж вышло, что после смерти единственной дочери Анатолию Кузьмичу Мошкину пришлось взять к себе внука. Он смахнул набежавшую слезинку и снова закашлялся.

Корм из пакета посыпался прямо на ковер.

Дед не выдержал, и сквозь приступы кашля заворчал:

– Да аккуратней ты, криворукий!

Да, сейчас этот нескладный парень совсем не похож на ангелочка с фотографии.

«А ведь я ни разу не видел, как он улыбается,» – вдруг подумал Кузьмич.

Он громко втянул в себя воздух и глухо произнес:

– Сам бы поел чего-нибудь. Каша на плите еще теплая.

Внук ушел на кухню. Дед грузно опустился на тахту и тяжело задышал.

Словно старая киноплёнка, его память стала оживать картины былого. Июньский вечер в Гаграх, ресторан на набережной и одноместный номер в престижном ведомственном санатории. Потом в кадр попало общежитие в Мытищах, две женщины и сверток с розовыми лентами. Затем плетка будто оборвалась, и как Мошкин не старался, не мог ничего вспомнить.

Зато после перерыва пошло сразу несколько черно-белых школьных фотографий. На них была изображена хмурая девочка в очках.

Мошкин задумался. Когда он впервые встретился с Ларисой? Сколько ей тогда было? Она еще никак не могла сказать ему «папа»...

Кино продолжалось. Вот показалась строгая девушка в очках – Мошкин пристроил ее секретаршей к одному бывшему сослуживцу в «первый отдел». Они почти не общались с дочерью, так как у него в тот год особенно много работы. Через год сослуживец позвонил ему и сказал, что он, майор госбезопасности Мошкин, вскоре станет дедушкой. «Это не я!» – клятвенно заверил его бывший сослуживец.

Анатолий Кузьмич вспомнил, что испытывал тогда нерадостные чувства – унижение, досаду и тревогу. Ему казалось, что его собственное будущее висит на волоске. В стране тогда было большое брожение умов.

Потом он снова увидел общежитие в Мытищах, и опять двух женщин. В его душе вдруг зародилась неведомая раньше светлая радость: «Мужик!». На сей раз кулек был с голубой лентой.

– Мы решили назвать твоего внука «Иннокентий», что по-гречески означает «невинный», – заявила осунувшаяся девушка в очках. – Только не спрашивай, от кого он. Я дала сыну твою фамилию.

Дед Мошкин втянул в себя воздух одной ноздрей и промокнул глаза краем рубахи. Да если б он только знал, от кого забеременела дочь! Он бы лично отвел ее на аборт в ведомственную больницу!

Иннокентий познакомился со своим отцом лишь тогда, когда тот вышел на свободу по амнистии.

Дед Мошкин бессильно оглянулся. Когда это было? Пять лет назад или восемь? Что-то у него с памятью, наверное, старческий склероз. Он попытался вспомнить, сколько стоил планшет, который он подарил Кешке на прошлый день рождения, но не смог.

С фотографии на него сквозь очки насмешливо глядела Лариска в легкомысленной фате. А ведь у нее у самой вчера был день рождения!

Он очнулся, будто от тяжелого сна, и крикнул:

– Эй, Кешка! Ты не забыл, что у матери вчера были именины?

Внук вернулся в комнату и, подойдя к фотографии на стене, дотронулся пальцем до лица матери.

– На, сходи-ка вот, – засуетился Анатолий Кузьмич. – Купи какой-нибудь букетик. Только ты нечетное количество купи, ладно?

Он пошаркал в прихожую, вынул из кармана своего пальто две сотенные бумажки и запричитал:

– Ох, до чего же все дорого! Какие-то три гвоздички – и две сотни! Ну ладно, иди давай, – осекся он и снял с вешалки черную куртку внука.

Уже у самой двери дед он спохватился, достал с вешалки свой рыжий шарф в клеточку и повязал его отроку на шею:

– Совсем ты со своими мышами про мать забыл!

Иннокентий как будто не слышал.

Дед возвысил голос:

– Да ты и про мышей уже, небось, забыл! Ой, горе ты мое! – снова запричитал он. – Да твои твари теперь всю ночь будут решетку грызть. Знаешь-ка что? Сходи-ка ты опять в этот в магазин, пока он не закрылся. Купи там нормальную клетку, чтобы с кормушкой и с поилкой. Раз уж завел живность, то и ухаживай за ней, а не смотри истуканом. На, держи еще!

Иннокентий равнодушно засунул в карман тысячную купюру и открыл входную дверь.

– Куртку застегни, оболтус! – крикнул ему вслед Кузьмич.– Д-дед, с-смотри, к-какие мыши!

Иннокентий поставил клетку на письменный стол, заваленный ручками и бумажным мусором. Анатолий Кузьмич вошел в комнату и без особенного интереса оглядел новых жильцов.

– Мышей купил? – проворчал он. – Теперь кота надо завести.

Иннокентий не понял шутки старшего родственника и испуганно прошептал:

– З-зачем к-кота? Он же и-их с-сожрет!

Но дед лишь беззлобно похлопал его по спине:

– Э-эх, Кешка! Какой же ты у меня валенок! Да пошутил я, не бери в голову. Я вижу, тебе за кем-то ухаживать хочется. Не за девушками, так за мышами. Ну что ж, я не против.

Дедовское лицо вдруг посерьезнело. Он взглянул с опаской на новых жильцов.

– Надеюсь, ты их не для опытов купил?

Но внук как будто не расслышал вопроса. Забыв и про мышей, и про дела, он рассматривал фотографию на стене, справа от стола. Дед тяжело вздохнул и тоже взглянул на портрет. Оттуда на него смотрели трое: непутевая дочь Лариска в легкомысленной фате, новоиспеченный зять Королев в строгом костюме и их сын Кешка, которому на тот момент бракосочетания родителей исполнилось четырнадцать лет. Мальчишка беззаботно улыбался в объектив.

Внук очнулся, поставил на стол желтый пакет, неуклюже разорвал его и стал сыпать зерна прямо в клетку.

Так уж вышло, что после смерти единственной дочери Анатолию Кузьмичу Мошкину пришлось взять к себе внука. Он смахнул набежавшую слезинку.

Корм посыпался на ковер.

Дед не выдержал:

– Да аккуратней ты, криворукый!

Да, сейчас этот нескладный парень совсем не похож на ангелочка с фотографии.

«А ведь я ни разу не видел, как он улыбается.» – вдруг подумал Кузьмич.

Он громко втянул в себя воздух и глухо произнес:

– Сам бы поел чего-нибудь. Каша на плите еще теплая.

Внук ушел на кухню. Дед грузно опустился на тахту и тяжело задыхался.

Словно старая киноплёнка, его память стала оживлять картины былого. Июньский вечер в Гаграх, ресторан на набережной и одноместный номер в престижном ведомственном санатории. Потом в кадр попало общежитие в Мытищах, две женщины и сверток с розовыми лентами. Затем плетка будто оборвалась, и как Мошкин не старался, не мог ничего вспомнить. Зато после перерыва пошло сразу несколько черно-белых школьных фотографий. На них была изображена хмурая девочка в очках.

Мошкин задумался. Когда он впервые встретился с Ларисой? Сколько ей тогда было? Она еще никак не могла сказать ему «папа»...

Кино продолжалось. Вот показалась строгая девушка в очках – Мошкин пристроил ее секретаршей к одному бывшему сослуживцу в «первый отдел». Они почти не общались с дочерью, так как у него в тот год особенно много работы. Через год сослуживец позвонил ему и сказал, что он, майор госбезопасности Мошкин, вскоре станет дедушкой. «Это не я!» – клятвенно заверил его бывший сослуживец.

Анатолий Кузьмич вспомнил, что испытывал тогда нерадостные чувства – унижение, досаду и тревогу. Ему казалось, что его собственное будущее висит на волоске. В стране тогда было большое брожение умов.

Потом он снова увидел общежитие в Мытищах, и опять двух женщин. В его душе вдруг зародилась неведомая раньше светлая радость: «Мужик!». На сей раз кулек был с голубой лентой.

– Мы решили назвать твоего внука «Иннокентий», что по-гречески означает «невинный», – заявила осунувшаяся девушка в очках. – Только не спрашивай, от кого он. Я дала сыну твою фамилию.

Дед Мошкин втянул в себя воздух одной ноздрей и промокнул глаза краем рубахи. Да если б он только знал, от кого забеременела дочь! Он бы лично отвел ее на аборт в ведомственную больницу!

Иннокентий познакомился со своим отцом лишь тогда, когда тот вышел на свободу по амнистии.

Дед Мошкин бессильно оглянулся. Когда это было? Пять лет назад или восемь? Что-то у него с памятью, наверное, старческий склероз. Он попытался вспомнить, сколько стоил планшет, который он подарил Кешке на прошлый день рождения, но не смог.

С фотографии на него сквозь очки насмешливо глядела Лариска в легкомысленной фате. А ведь у нее у самой вчера был день рождения!

Он очнулся, будто от тяжелого сна, и крикнул:

– Эй, Кешка! Ты не забыл, что у матери вчера были именины?

Внук вернулся в комнату и, подойдя к фотографии на стене, дотронулся пальцем до лица матери.

– На, сходи-ка вот, – засуетился Анатолий Кузьмич. – Купи какой-нибудь букетик. Только ты нечетное количество купи, ладно?

Он пошаркал в прихожую, вынул из кармана своего пальто две сотенные бумажки и запричитал:

– Ох, до чего же все дорого! Какие-то три гвоздички – и две сотни! Ну ладно, иди давай, – осекся он и снял с вешалки черную куртку внука.

Уже у самой двери дед он спохватился, достал с вешалки свой рыжий шарф в клеточку и повязал его отроку на шею:

– Совсем ты со своими мышами про мать забыл!

Иннокентий как будто не слышал.

Дед возвысил голос:

– Да ты и про мышей уже, небось, забыл! Ой, горе ты мое! – снова запричитал он. – Да твои твари теперь всю ночь будут решетку грызть. Знаешь-ка что? Сходи-ка ты опять в этот магазин, пока он не закрылся. Купи там нормальную клетку, чтобы с кормушкой и с поилкой. Раз уж завел живность, то и ухаживай за ней, а не смотри истуканом. На, держи еще!

Иннокентий равнодушно засунул в карман тысячную купюру и открыл входную дверь.

– Куртку застегни, оболтус! – крикнул ему вслед Кузьмич.

3

Подростки расстегнули куртки: им стало жарко от калорийной фастфудовской еды. Никому из компании не хотелось идти домой, но трапеза была закончена. Строгий охранник уже несколько раз прошел мимо их, неодобрительно помахивая рацией. В ресторанном дворике не хватало посадочных мест.

– А я бы еще похавал на халяву! – хохотнул туповатый Костян Коротков по прозвищу Короткий. Еда для него была главной радостью в жизни.

– Да ты уже за троих нажрал! – отбил пас хозяин застолья.

Все лениво засмеялись. Серьезное выражение лица было только у Вадика Рубайло, которому еще так и не придумали клички.

Когда смех затих, он спросил:

– Никитос, так что там за халява в Интернете?

– Да, поделись по-братски, – подхватил Варуш.

Коршунов неопределенно пожал плечами:

– Да так. Фигня, в общем. Ролик тут снял прикольный и в Ютуб выложил. А там куча просмотров. Ну, мне аккаунт завели, то, сё... Короче, это сейчас маза – выкладывать в Сеть прикольные видео. Чем прикольнее – тем больше бабла. Каждый может попробовать. Тут нет никакого секрета.

Ребята оживились.

– Да-а? – с интересом протянула Бреева-Бомбочка. – А если я сниму, как Тоньке волосы крашу, то мне тоже бабки упадут?

Тонька метнула на подружку неободрительный взгляд: эта Бреева, значит, решила забрать все бабки себе!

Никитос с видом эксперта развел руками:

– Ну, это смотря как снять! Если ты еще спецуху сделаешь и саундтрек наложишь... В общем, чем прикольнее, тем лучше.

Тонька решила перехватить инициативу:

– Крутяк! А вообще, – она снова ухмыльнулась в сторону Коршунова, – это клевая идея – делать клипы. Прикиньте, мы все вместе можем поснимать! А бабосики потом по-честному разделим.

Она сделала паузу, наблюдая за реакцией приятелей:

– Ну чё, народ? Что скажете?

Народ оживился, но ничего путного сказать не мог.

Никита чувствовал, что Тонька снова ускользает от него, как змея. Про его «поляну» уже все забыли. Теперь всем хочется новых развлечений, а по этому делу он не большой мастер. Девочка с малиновыми волосами посматривала на него украдкой: и как он, поведется? У Коршуна предательски заурчало в животе.

Он снова отбил пас:

– А чё? Давайте сейчас завалимся к Тоньке на хату и будем снимать прикольное видео! Большова была откуда-то из Подмосковья, а в Москве снимала комнату.

Он с вызовом посмотрел на соседку-соперницу, а потом снова по-дружески подмигнул ей.

– Ну как, Тонь? Ты не против? – спросила вместо него Бомбочка.

Ребята стали обсуждать предстоящую забаву, но Большова как будто воды в рот набрала. Она чувствовала, что Коршунов не просто так дразнит ее и набивается в гости.

Достав из сумки розовый планшетик, она лишь поскребла его розовым ноготком:

– Прико-ольно!

Потом она выдержала эффектную паузу и внесла предложение:

– А чё? Дайте прямо сейчас и начнем. Пойдем на улицу и сделаем клип. Короче, сюжет такой: Никитос стреляет у прохожих бабки на новый фильм. Рубайло, у тебя планшет с собой? Вадiek кивнул. Он давно уже увлекался цифровыми технологиями.

– Вдвоем, что ли, снимать будем? С разных точек? – догадался он.

Но Никитосу эта идея не понравилась. Чтобы он, в своей белой толстовке с надписью KING снимался в роли нищего?

Он с легкой опаской наблюдал за реакцией приятелей.

– А чего? – Тонкая улыбнулась кончиками губ. – Так все продюсеры делают – сначала башли на новый фильм собирают, а потом уже снимают. Или, может, у тебя уже есть лимон?

Никита вспомнил про мелочь в бумажнике и промолчал.

Она как будто прочитала его мысли:

– Ну, тогда надо собрать тысяч десять на раскрутку. А что, это сейчас модно. Краудфандинг называется.

– Да много ты знаешь! Краудфандерша ты наша! – хотел выставить ее на смех Вадик Рубайло, но тут же получил от Тоньки щелчок по носу.

Никита понял, что его втягивают в идиотскую игру и возмутился:

– Не, не! Я не буду бабки просить! Что я, бич какой-то?

Ребята озадаченно замолчали. Всем хотелось продолжить тусовку, но что конкретно делать, пока никто не знал.

Наконец, Короткий предложил:

– А чё? Давайте прикинемся, что мы, типа, психи из какой-нибудь секты. Будем тормозить прохожих и говорить, что через месяц конец света.

– Дурак ты, Костян! – надула губы Тонька. – У меня через месяц день рождения. Накаркаешь еще!

Теперь пришла очередь обижаться Короткому:

– Да это прикол, Тонь! Ты чего, шуток не понимаешь?

Вспыхнувшую перепалку разрулил хитроумный Вадик Рубайло – мастер заговаривать зубы:

– Короче. Снимаем с Тонькой в двух ракурсах. Выходим на улицу и ждем, пока какой-нибудь мужик со здоровым баулом пойдет через дорогу. Вы тогда к нему, типа, подходите и предлагаете перенести чемодан через дорогу. Типа, у нас в колледже началась неделя добра, и нам надо снимать на видео хорошие поступки. Мужик, скорее всего, поднимет кипеш. Может, даже замахнется. Вот это самое прикольное. Тут, главное, успеть во-время смыться.

Большова внимательно слушала концепцию будущего фильма. Коршунов недовольно помахивал ногой. Он чувствовал, что Рубайло снова обскакал его со своими приколами.

– А если он, это? Милицию позовет? – засомневался осторожный Варуш Карапетян.

– Не, – отрицательно покачал головой Вадик, который сам мечтал о карьере клипмейкера. – У нас же будет видео, что мы ничего плохого не делаем. Никто потом никому ничего не докажет. А я все смикширую и наложу звук.

Компания одобрительно загудела, и ребята двинулась к эскалатору. Никита чуть не забыл свой подарок – воздушного Микки Мауса, который выглядел так, словно сам объелся фастфудовской снедью. Встречным потоком воздуха игрушку сдуло куда-то вбок, и длинная веревочка зацепилась за лайтбокс. Пластиковый Микки на секунду скорчил недовольную гримасу, а потом громко пукнул и разлетелся на куски.

4

От звука выстрела Валик невольно вздрогнул. Василий Петрович заметил, что его помощник изрядно нервничает. Они были в этом типе уже в пятый раз, но юный стрелок попал только в «молоко».

– Так, боец, смотри сюда, – по-военному скомандовал Василий Петрович. – Руку поднимаешь плавно. Да стой, не дрыгайся. Ты же не девка, а нормальный мужик! Во-от, правильно. Пла-а-вно. А-гонь!

Валик зажмурился, нажал на курок и снова вздрогнул при отдаче.

Скрягин свел широкие брови к переносице и недовольно почесал указательным пальцем щеточку усов.

– Экий ты тюфяк, Макушин! – выругался он как можно интеллигентнее. – Ну, скажи мне, зачем я тебя в институт устроил? Чтобы ты дурака валял? Не-ет, друг мой любезный. Мне помощник нужен, а не тюфяк. Давай еще двадцать выстрелов. Заряжай!

Было уже около половины десятого вечера, и в пустом тире никто не мешал двум стрелкам. Под трибунами старого стадиона отдавались хлопки рассыпались, точно горох, и замирали где-то в темноте. Вахтер, которого Петрович дружески похлопал по плечу при встрече, отдал ему ключи, чтобы они могли тренироваться тут сколько влезет. Взамен Скрыгин вручил старому знакомцу мужской поллитровый сувенир. Он уже неделю собирался сюда, чтобы самому пострелять вволю. Но сейчас, спустя полтора часа занятий отставник Скрыгин вместо былого воодушевления чувствовал раздражение и усталость. Мазила Макушин, хоть и изображал старательного ученика, никак не мог освоить простое движение – присоединить магазин к рукоятке. О меткости своего подопечного Василий Петрович вообще предпочитал не думать: если, не ровен час, Макушину придется прикрывать его, то вообще неизвестно, в каком направлении полетит его пуля.

Глядя на сопящего ассистента, Скрыгин в сердцах произнес:

– Да пошевеливайся ты, голуба! А то мы, бляха-муха, тут заночуем!

– Да я стараюсь, Васильпетрович, – загнусявил в ответ помощник. – Но он не вставляется!

– Кто?

– Да эта штуковина!

В ответ «Васильпетрович» лишь устало отмахнулся:

– Эх, ты, боец, Иван-огурец! Давай сюда.

И зачем он только пригред этого недотепу? Лучше бы взял кого-нибудь побойчее. Но парня побойчее с его собственной легкой руки осенью отправили служить на Крайний север. Как же его звали? Коля? Вася? Скрыгин вдруг вспомнил маленького, но очень шустрого третькурника. Он то и дело «стрелял» у Макушина деньги и сигареты, а Валик, тогда еще просто староста группы, каждый раз бегал жаловаться директору.

– Ладно уж, не торопись, – с досадой вздохнул наставник, – а то еще палец прищемишь.

Когда-то лейтенант Скрыгин часами учил молодых бойцов собирать и разбирать автоматы. За двадцать пять лет воинской службы ему пришлось побывать в самых разных местах, которых журналисты и политики называют горячими точками. Воспоминания об этих путешествиях, яркие, как вспышки гранат, теперь не давали ему заснуть каждую ночь. Он ворочался в постели, комкая простынь, а молодая жена все дальше отодвигалась от него.

– Давай, сбегай за мишенями, – бросил он помощнику. – Одна нога здесь, другая там.

Он на секунду вдруг представил, что лежит в кровати не с чернобровой двадцатилетней красавицей, с белесым, точно моль, Макушиным. От этой мысли Скрыгина передернуло, и он брезгливо сплюнул на пол.

Адъютант тем временем уже бежал обратно с мишенями. Все выстрелы были «в молоко».

Майор строго произнес:

– Если в следующий раз ни разу не попадешь, комиссию тебя как непригодного. А еще лучше – отправлю в Красную армию.

Валик вздрогнул:

– Нет-нет, Васильпетрович! Только не это! Я же вам ничего плохого не сделал!

За прошедший год Валик отрастил такое же брюшко, как у шефа, и перенял у него пренебрежительно-требовательную манеру разговаривать с подчиненными.

– А может, мне специальные очки заказать для стрельбы? – с обидой в голосе поинтересовался он.

Скрыгин засмеялся:

– Для стрельбы! О-хо-хо! Вы, Валентин Валентинович закажите себе лучше пенсне.

Будете, как Чехов с портрета.

Помощник чем-то отдаленно напоминал Скрыгину очкастого классика.

Валик понимающе засмеялся, а Скрыгину вдруг стало не до шуток:

– Да ты понимаешь, что стрельба может начаться когда угодно? Где угодно?

Макушин посмотрел на хозяина с видом виноватого спаниеля. Он же так старался! Бегал туда-сюда, целился. Вот, все пальцы в масле. Вспотел весь...

– Пойми, Валик, – чуть мягче произнес Скрягин, – любое дело надо защищать, и защищать с оружием в руках. У меня на тебя большие надежды.

– Спасибо, Васильпетрович, – с достоинством вставил тот. – Постараюсь оправдать. Не слушая его, Скрягин продолжал:

– Вот представь: подходят к тебе пятеро и просят денег. Что ты будешь делать?

Макушин замялся:

– Ну, я скажу, что у меня все деньги на карточке. А что?

Но шеф не унимался:

– А если попросят закурить?

Адъютант обиделся:

– Я же не курю! И вы, Васильпетрович, об этом хорошо знаете!

Но Скрягин лишь хмыкнул:

– Я-то знаю. А хулиганы – нет.

Майор шумно высморкался:

– Ну, ты и валенок, голуба! Ты что, не знаешь, что просьба закурить – лишь повод? Особенно, если хулиганов больше двух.

– Так что же мне сказать? – Макушин напрягся.

Скрягин задумался, достал сигареты, но потом вспомнил, что здесь нельзя курить.

Высморкавшись, он тихо произнес:

– А говорить ничего не надо. Надо чем-то их отвлечь. Перчатки вынь из кармана и брось им в лицо.

Валик побледнел:

– Вызвать хулиганов на дуэль? Сразу пятерых? Вы шутите, Васильпетрович!

– Да при чем тут дуэль! – с раздражением воскликнул тот. – Начитались! Ты их отвлечь должен, вот и все. Хоть перчатками, хоть ботинком.

Но неловкий секретарь никак не понимал логики начальника:

– А что потом?

– А потом делай ноги, голуба! Или стреляй в воздух, если есть пистолет. Правда, – он снова задумался, отчего щеточка его усов заходила туда-сюда, – потом никому не докажешь, что нападали на тебя, а не ты.

Валик вскинул голову и с достоинством произнес:

– Вообще-то, Василий Петрович, я стараюсь по темным местам не ходить и крупные суммы с собой не носить.

Это признание развеселило майора в отставке. Он представил, как его секретарь вышагивает по ночному Фрязину с мешком денег на плече.

– Да тебе только инкассатором работать! Всех грабителей испугаешь! – захохотал он.

Валик снова сдержанно улыбнулся. На его молодом лице только-только начала пробиваться растительность, и до майорских усов ему было еще далеко. Да и Скрягин никогда бы не взял бы Макушина в разведку.

Зевнув, он скомандовал:

– Ладно, урок окончен. Завтра жду тебя в восемь, поедem по делам. Да, завтра у Анны Петровны день рожденья, – провел он по намечающейся лысине. – Ты организуй там, что полагается, вот тебе тысяча рублей. Поздравь ее от моего имени.

Взяв купюру, помощник стал торопливо собираться к выходу. Директор же не торопясь надел черный картуз, который в народе называют «жириновка», замотал на шее белое кашне и влез в черное кожаное пальто.

На улице было уже совсем темно. Скрягин закрыл железную дверь на все замки и, чеканя шаг, пошел к воротам стадиона.

5

Иннокентий вышел из подъезда и огляделся. Он до сих пор не привык к этому кварталу серых пятиэтажек. Каждый день, отправляясь в колледж на занятия, он с трудом вспоминал дорогу. Вот и сейчас он попытался сориентироваться и вспомнить, где большой проспект, а где «Забавинский».

И за что дед снова разозлился на него? Неужели из-за каких-то мышей? Юноша замедлил шаг и в нерешительности огляделся. Вроде бы, он шел правильно.

На прошлой неделе дед тоже разозлился на него из-за какой-то ерунды и причитать: «Ты меня в могилу сведешь, оболтус!»

Тогда он спросил: «А на каком кладбище тебя хоронить?»

Дед рассердился еще сильнее: замахнулся кулаком и снова что-то заорал. А потом он обмяк, вытянулся на диване и пробормотал: «На немецком. Четыре остановки отсюда».

Про кладбище Инок больше не спрашивал, а вот про их район вчера расспросил.

Когда-то здесь было дворцовое село Забавинское и стоял царский дворец. В этом дворце прошло детство одного царя. Тогда мальчишки играли в войну не с джойстиком, а с деревянными ружьями. Наследник престола был еще тем драчуном. Он определил пацанам наставников из числа старых вояк. Когда братва подросла, настало время великих дел. Чтобы новому царю никто не мешал, он раздал своей братве настоящее оружие. Правда, в то время на складе были только старые пищали, а новый босс очень любил все новое. Он специально поехал в Европу и привез оттуда всякие гранаты, мортиры и гаубицы.

Подходя к высокому стеклянному небоскребу, Кеша вспомнил дедов рассказ. Перед небоскребом стоял железный дядька с большими усами на лице и длинным ружьем в руках.

«Неудобный джойстик,» – подумал Инок и дотронулся пальцем до железного ботинка. Палец сразу покрылся копотью большого города.

Сам Иннокентий никогда не держал в руках даже пластикового автомата. В детстве он боялся, что в драке останется инвалидом, как один мальчик из их общежития.

– Смотри, Кеша, только не дерись ни с кем! – строго-настроено велела мать. – А то не дай Бог, покалечат. Дай мне честное слово, что никогда не будешь драться!

– Никогда! – поклялся он со слезами на глазах.

Освоившись с компьютером, он нашел способ сдержать слово: его драки происходили теперь лишь на экране. Сначала он играл в чужие игры, а в девятом классе сочинил собственный шутер с несложными спецэффектами. Его бомбардиры и гранадеры взрывали друг друга гранатами и расстреливали из бластеров. Он был очень доволен собой и с гордостью продемонстрировал отцу свою стрелялку.

Однако тот лишь покачал головой:

– Понимаешь, смерть – это совсем не так увлекательно. Отправлять на бойню даже мультяшных героев могут только очень бессердечные люди.

Иннокентий не поверил ему и засмеялся в ответ:

– Ты чего? Какая смерть? Ты же сам сочиняешь войнушки!

– Я – другое дело, – вздохнул отец. – Это только для денег. А ты, брат, сочини лучше что-нибудь поспокойнее: какой-нибудь экшн или бродилку.

Кеше идея понравилась и он попросил для новой игры новый комп. Отец пообещал, что обязательно купит, как только они с мамой решат кое-какие проблемы. Сын не стал выпраши-

вать, как маленький: «Купи да купи!». Он понимал, что родители что-то затевают, но пока ему не говорят.

А родители, действительно, что-то задумали. Они зачем-то купили белое платье и темный костюм. В самом начале июня они сели в рыжую «Нексию» и поехали на центральную площадь. Там они втроем вышли. Отец взял мать под руку. Точно жених с невестой, родители торжественно поднялись по широкой лестнице. Их шаги отдавались эхом: «Тук! Тук! Тук!» У самого Кеша сердце тоже громко стучало «Тук-тук-тук». Он догадывался, что сейчас происходит что-то очень важное.

В большом светлом зале никого не было, кроме одной строгой тетеньки. Кеша хотел сесть на стул, но сердитая тетенька велела ему встать. Она что-то строго выговаривала отцу с матерью, а они стояли перед ней, как провинившиеся школьники. Потом отец достал из кармана золотое кольцо и надел его на палец матери. Потом родители поцеловались – в первый раз за все время.

К ним подошел фотограф и предложил сделать фото на память.

– Иди сюда, мальчик! – позвал он Кешу.

Тот подбежал к родителям и обнял их.

Фотограф сказал: «Так, все улыбаемся! Сейчас вылетит птичка»!

А на следующий день отец зачем-то отвез его на поезде в город Череповец. Там жила его бабушка Вера, которая никогда еще не видела внука. В бабушкиной квартирке он провел все каникулы. За это время он сочинил старом компе целых четыре игры.

Тридцать первого августа в Череповце шел мелкий дождь. Королевы возвращались в Москву на машине, и рыжая «Неския» резво бежала вдоль серого заводского забора. Впереди был перекресток, и светофор там почему-то не работал. Когда машина притормозила, с ней поравнялся мотоцикл. Байкер в черном быстро положил что-то на оранжевую крышу. Королев-старший уже открыл дверцу, чтобы вылезти из машины, но тут мотоциклист рванул с места, а через десять секунд сработало взрывное устройство.

С тех пор Кеше все казалось, что его преследует мотоцикл. В своих тревожных снах он искал путь к спасению, но всюду наткнулся лишь на бетонную стену. Он ненавидел серые бетонные заборы.

6

Один такой заборище начинался неподалеку от их дома. Дед говорил, что когда-то в их районе были секретные заводы и секретные институты:

– Ты должен понимать, Кешка! Тут квартиры не всем давали...

Внуку было по барабану, кто и кому тут раздавал квартиры. Этот сумрачный московский район был ему безразличен. В Мытищах, где он сам еще недавно жил с матерью в малосемейной общаге, тоже на каждом шагу были заводы и заборы. Он долго мечтал о собственной комнате, но потом понял, что незачем растравлять себя попусту. Новая бабушка в Череповце на время отвела ему угол за шкафом. Новый московский дед оказался щедрее и выделил целую комнату. Этот подарок судьбы, однако, больше не радовал повзрослевшего Иннокентия Королева.

Если бы не тот дождливый августовский в Череповце, его жизнь сложилась бы совсем иначе. Он мог бы смеяться и обнимать родителей. Он мог бы без труда разговаривать, и сверстники не дразнили бы его за заикание. А теперь у него совсем нет друзей – даже «ВКонтакте». Все, что он теперь может – так это бездумно шататься вдоль забора.

Он надвинул шапку на самые брови и пошел дальше. Легкий морозец слегка пощипывал уши. Сгушались сумерки. Серый забор казался бесконечным, хотя вот-вот должен был кон-

читься и упереться в проулок. Проулок вел к большому проспекту. Туда он зачем-то сейчас и шел.

Иннокентий попытался вспомнить, зачем он вышел из дома, но его внимание привлекли громкие голоса на углу. Там, очевидно, кто-то выяснял отношения.

Юноша остановился и прислушался, точно насторожившийся зверь. Голоса были знакомыми, громкими и задиристыми. Повинуясь какому-то первобытному инстинкту, Инок прижался к холодной стене.

Эти голоса, без сомнения, принадлежали его однокурсникам из пятнадцатой группы. Так обычно кричали на него Коршунов и Карапетян.

– Да мы клип снимаем, чего ты, мужик?

– Слушай, это прикол, да. Ты что, шуток не понимаешь?

– Да пошли вы нах со своими шутками! Отдайте мою сумку, уроды!

Третий голос был незнакомым. Очевидно, он принадлежал какому-то незнакомому мужчине.

Инок повертел головой туда-сюда и вынул из сумки планшет. Когда обмен любезностями на углу перешел в звуки ударов и резкие выкрики, студент пятнадцатой группы Королев бесстрастно направил объектив в сторону интересного события. Из своего укрытия он прекрасно видел все, что происходило в каких-то десяти метрах, а цифровая камера бесстрастно фиксировала драку двое на одного.

Минуты через полторы ролик был снят с первого дубля. Не заметив оператора, участники съемок разбежались кто куда, и только незнакомый мужчина остался на тротуаре. Он лежал, раскинув руки в стороны. В луже валялась синяя спортивная сумка, из которой выпало несколько белых книжек.

Королев подошел к неподвижному мужчине. Тот был молод, не старше двадцати пяти лет. Глаза его были закрыты, а на виске сочилась струйка крови. Ветер шевелил листьями рассыпавшихся книг. Инок засунул планшет в сумку и позвал:

– Эй, м-мужик!

Тот не издал ни звука.

Юноша вздрогнул. Прямо на него из-за угла шли люди. Справа с проспекта поворачивали машины. Инок сделал усилие над собой и отскочил назад, в тень забора. Он уже хотел поскорее сделать ноги, как его рука потянулась к выпавшей белой книжке. Уже на бегу, он зачем-то засовывал свою добычу в черную сумку, где теперь хранился компромат на однокурсников из пятнадцатой группы. Он снова бежал вдоль забора и снова слышал выкрики:

– Да мы клип снимаем, чего ты, мужик?

– Слушай, это прикол, да. Ты что, шуток не понимаешь?

Озираясь по сторонам, он убедился, что его никто не преследует и, задыхаясь, перешел на шаг. Странный юноша совершенно забыл, куда и зачем пошел.

Побродив по незнакомому району часа полтора, он, наконец, вышел к дедовскому дому. В ушах у него до сих пор слышались знакомые голоса, но теперь они смеялись над ним самим – над его черной одеждой и над его заиканием. Когда он только пришел в этот колледж, однокурсники сразу окрестили его обидным прозвищем «Инок». Сначала Иннокентий пытался сопротивляться – не разговаривал с обидчиками, отсаживался от них подальше, но потом понял, что это бесполезно. Коршунов и Карапетян не давали ему проходу и задирали его при каждом удобном случае.

«Так за что же они его, все-таки?» – с тревогой подумал Инок и нажал на кнопку звонка.

Дед Мошкин нехотя пошел открывать. После того, как внук отправился за цветами, он еще долго вспоминал предысторию их совместной жизни.

Двадцать пять лет тому назад доктор физико-математических наук Королев получил в «первом отделе» допуск «совершенно секретно» и был допущен к государственным ракетным тайнам. Во время распада государства он решил сделать небольшой бизнес: передать покупателю из конкурирующей «конторы» ничем не примечательную коробочку. На самом деле – и Анатолий Кузьмич это хорошо знал – подобные коробочки, только значительно большего размера, передавались тогда на совсем другом уровне. Но у «конторы» был свой интерес в этой большой игре. Когда государственные секреты раскрываются, как карты в покере, то никто из игроков не забывает о собственной выгоде.

Когда Анатолию Кузьмичу было столько же, сколько его оболтусу-внуку, то его потрясла зверская расправа американцев над супругами Розенбергами. В Советском Союзе их считали невинными жертвами, борцами за мир во всем мире. Военный связист и секретарша, они служили родине своих предков и передавали советскому резиденту подробности американских ядерных проектов.

В середине «лихих девяностых» к отечественным ракетным секретам был допущен холостой русский программист, которому регулярно задерживали зарплату и наотраз отказали в однокомнатной квартире: У талантливого математика к тому времени уже не было никаких убеждений, а мечта его была по-американски простой: собственный домик где-нибудь подальше от Мытищ. Он так и заявил суду в своем последнем слове.

Подполковника Мошкина назначили руководителем следственной бригады. Королеву, в отличие от незадачливых американцев, дали всего пятнадцать лет.

Выйдя по амнистии, Королев-старший занялся новым делом – стал придумывать компьютерные игры. Он не стремился отомстить следователю, который по иронии судьбы был одновременно его потенциальным тестем, он будто и вовсе забыл о его существовании. А вот Анатолий Кузьмич, которому к тому времени назначили персональную пенсию, ничего не забыл и никого не простил. Ах, как же он мучился от ненависти к их семейному «букету»! Какие планы вынашивал!

Однажды его вызвали в «контору» и спросили: «А вы в курсе, что ваша дочь собралась на ПМЖ в США?» Он ничего не знал. Дочь, в отличие от государства, умела хранить свои секреты. Его попросили понаблюдать за Королевымы, и он снова поехал в Мытищи. Дочь отказалась с ним разговаривать. Дело шло к свадьбе.

Операцию «Диссидент» назначили на последний день лета.

Подполковник в отставке Мошкин испытывал смешанные чувства: с одной стороны ему хотелось, чтобы внук так и остался возле серого забора, а с другой – ему по-совому было жаль невинного отрока, который подавал большие надежды.

Королев-младший провел в больнице почти восемь месяцев. Когда встал вопрос, куда девать инвалида, почетного пенсионера Мошкина снова вызвали в «контору» и порекомендовали взять под опеку младшего родственника. Ему недвусмысленно намекнули, что когда-нибудь его внук поправится настолько, что захочет узнать всю правду о взрыве в Череповце.

– Это только в ваших силах воспитать патриота и гражданина, – сказал на прощание моложавый генерал. – Желаю удачи!

Дед привез из Мытищ нехитрый скарб в армейском вещмешке, а в картонной коробке – поцарапанный ноутбук. Все это, по большому счету, было внуку уже ни к чему: из своих старых вещей он изрядно вырос, а компьютер, наоборот, стал для него слишком сложной игрушкой. Из-за травмы черепа отрок почти потерял речь и способность делать самые простые вещи.

– Проходи, – хмуро сказал дед Мошкин и включил свет в коридоре.
«Эта игра должна кончиться вспышкой!» – догадался юный геймер.

7

Никита чиркнул рыжей зажигалкой и нервно затянулся. Сегодня он уже не казался таким красавчиком, как вчера. Черные кудри засалились, а белая толстовка посерела.

– Чего с тобой, Никитос? – хохотнул Короткий. – Перебздел вчера?

– А ты как будто нет? – огрызнулся Коршунов.

До туповатого Костяна все доходило на третий день. Он еще не врубился в то, что произошло.

– Да блин! Мы, может, того мужика завалили! А вы, как идиоты, все ржали. А он, может, башкой стукнулся и кони откинул!

– Да ну?

– Вот тебе и ну! А чего, по-твоему, он на земле остался?

– Ну... – Костян сдвинул брови к переносице, точно пытался что-то сообразить.

– Баранки гну!

Никиту вдруг взбесила тупость приятеля. Ведь как дело было? Они с Костяном и Варушем подошли к тому мужику, который стоял на углу забора. У того, видно, была тяжелая сумка, и он решил передохнуть. Ну они, значит, спросили его культурно, не надо ли ему помочь отнести багаж. Культурно так спросили. Вадик в это время стоял и снимал все на Тонькин планшет.

Мужик почему-то сразу поднял кипеш и послал их по известному адресу. Варуша это задело, и он в своей манере ответил. Никита совсем не хотел драться, но и оставлять кореша один на один с неизвестным перцем он тоже не мог. Ведь они всего лишь хотели смешной ролик снять! Никита слегка потянул за ручку тяжелой сумки, но мужик точно озверел. И чего он так? Чего у него, героин что ли там был? В общем, он, Никита, даже не успел сказать ему про добрые дела, как мужик двинул ему в челюсть апперкотом. Теперь уже Никитосу было не до ролика. От его удара ногой в пах мужик согнулся и упал.

Никита показал Костяну синяк на левой скуле, и тот сочувственно покачал головой:

– Да, Никитос... Такие, блин, дела... У тебя сига есть?

– Держи! – Коршунов нехотя протянул LM и сам затянулся.

Они покурили еще минуты две, не говоря ни слова. Наконец, Никитос со злостью откинул окурок и глухо произнес:

– Слушай, Костян! Ты забудь про это, ладно? А если тебя кто-нибудь вдруг спросит, чем это мы, типа, занимались в понедельник, то скажи: «Сначала посидели в «Забавинском», а потом пошли по домам». Усёк?

– Как скажешь.

Тупость Короткова волновала его все больше и больше. Тот мужик, если он, конечно, очнулся, наверняка уже написал заявление в полицию. А если он так и не очнулся, то опера все равно пожалуют в их колледж. Короткому чего – он руками не размахивал и рта не открывал.

Никита потер ноющую щеку и почувствовал, как у него похолодела ладонь.

Костян заметил перемену в лице кореша и ободряюще хлопнул его по спине:

– Не очкуй, Никитос! Отмажемся. Не в первый раз.

Никита знал, что Костяну все было до лампочки. За этот пофигизм он и уважал его, и презирал одновременно.

– Эй, ребята, пятнадцатая группа! Вы чего еще не на уроке?

Курильщики нехотя задрали головы в сторону окна на втором этаже.

В окне показалась голова Аннушки.

- Идем, Аннпетровн, – хором крикнули приятели и двинулись к дверям здания.
- Это все Тонька, – шепнул Костян. – Если б не она, ничего б и не было!
- Ладно, забей! – также тихо ответил Коршунов. – Проехали.

Вслед за угрюмой парочкой прогульщикова в здание колледжа сферы обслуживания вихрем влетел второкурсник Королев. Он, как всегда, был весь в черном, но сегодня, к тому же, еще и необычно бледен.

Инок не спал всю ночь. Белая книжка, которую он подобрал возле раскрытой сумки, оказалась такой интересной, что прочитал ее целиком. Когда он перевернул последнюю страницу, за окном уже забрезжил рассвет. Юноша выключил лампу и в предрассветных сумерках отчетливо услышал какой-то новый шум. Только тогда он вспомнил, что кроме него в комнате находятся еще пять живых существ.

Из маленькой тесной клетки слышался громкий писк и звуки мышинной возни. Кеша подошел к клетке и вспомнил, что забыл дать зверью воды. От жажды пятеро зверьков уже не выглядели так умильно, как вчера в магазине. Они вставали на задние лапки и с остервенением грызли железные прутья. Они даже набрасывались друг на дружку, норовя укусить побольнее. Больше всего досталось толстой белой мыши: на ее шкурке были видны свежие капли крови.

Странный юноша пригляделся к борьбе своих питомцев, а потом включил верхний свет, настроил планшет и стал снимать новое видео. К нему в голову вдруг полезли неожиданные мысли.

«Вот так и люди, – думал он. – Когда сыты, то сидят смирно. А как только им не хватает самого необходимого, то могут загрызть друг друга».

Тут в комнату зашел сонный дед и поинтересовался, почему внук не собирается в колледж. Покосившись на клетку, он нахмурился:

- Чего-то им не хватает! Ты их напоил?

Но Иннокентий, не говоря не слова, выключил планшет, засунул его в свою черную сумку и пошел на кухню чего-нибудь перехватить. Он так не раздевался на ночь, поэтому собрался всего за пару минут. Ему не хотелось опаздывать на пару к Аннушке.

Дед долго смотрел вслед своему отпрыску. Он уже давно понял, что с парнем бесполезно разговаривать о чем либо. Тяжело вздохнув и прокашлявшись, он стал расследовать причины мышинной бузы. Уж в чем-чем, а разбираться в причинах, толкающих арестантов на мятеж, он умел профессионально.

Не найдя в клетке поилки, он помянул отпрыска нехорошим словом.

- Вот ведь гаденыш! Сам чаю напился, а питомцам даже водички не дал!

Кузьмич пошаркал в кухню, нашел там старую банку из-под хрена, открыл с нее крышку и наполнил ее водой. Чуть подумав, он налил воды еще в одну крышку.

- Что б тебя самого разорвало от жажды! – с тоской пробормотал дед Мошкин.

Вчера внук вернулся около полуночи без букета и без клетки. Он, Кузьмич, не стал его ни о чем спрашивать и ушел в свою комнату. Он даже принял таблетку, чтобы скорее заснуть, но не сомкнул глаз всю ночь. Сухие старческие руки затряслись мелкой дрожью. Неужели ему и дальше придется терпеть этого выродка?

Управившись с обслуживанием пушистых квартирантов, Кузьмич пошел в свою комнату. Там он пошарил рукой на верхней полке шифоньера и извлек оттуда маленькую голубую книжечку. Эту невзрачную брошюрку он пару недель назад приобрел в ближайшей в церкви, когда ходил послушать певчих. На обложке была напечатана фотография мужчины преклонного возраста с крестом на груди. У гражданина была жидкая борода и очки в массивной оправе. Он писал в своей книжке, что следует с пониманием относиться к молодым родственникам и молиться за них.

«Хорошо тебе антимонию разводить! – подумал полковник Мошкин про благообразного клирика. – Небось, в молодости сам грешил не хуже меня. Но в вашем ведомстве работа с сиротами хорошо поставлена, это вы молодцы. А мне теперь куда деваться?»

Пролистав несколько страниц, дед Мошкин отложил брошюрку.

Года полтора назад он повел внука в ведомственную поликлинику, к которой был прикреплен пожизненно.

– У вашего родственника редкая форма амнезии, вызванная шоком и травмой черепа, – сказал ему майор медицинской службы. – Вам просто повезло, что у него вообще сохранились способность распознавать речь. Вы, товарищ подполковник, побольше с ним общайтесь. Существует возможность ремиссии, но не исключено, что он так и останется...

Он хотел уже добавить «идиотом», но пожалел сникшего ветерана. Тот был совершенно не готов к главному испытанию в своей жизни.

– Да куда ж мне с ним теперь? – растерянно произнес дед Мошкин. – Он девять классов закончил на год раньше сверстников. Он, между прочим, подавал такие надежды! У парня были такие выдающиеся способности к компьютерам...

Но врач – немолодой чисто выбритый мужчина – лишь покачал головой в белой шапочке:

– Забудьте об этом. Я вам выпишу справку во ВТЭК для оформления инвалидности. Если вам трудно его дома держать, устройте его в какое-нибудь ремесленное училище, или колледж по-нынешнему. Там им льготы дают за инвалидов, так сто его возьмут. Да, чуть не забыл!

Он перестал писать и серьезно посмотрел на Мошкина:

– Постарайтесь развивать его память. Пусть побольше заучивает наизусть. Стихи какие-нибудь. Хоть Бродского какого-нибудь, хоть Пушкина.

Золотая ручка снова резво заскользила по разноцветным листочкам. Мошкин понял, что теперь должен пожизненно исполнять свой приговор.

Психиатр, наконец, закончил писать и протянул ему справку:

– Желаю Вам успеха, товарищ подполковник! Не унывайте! У вашего внука могут совершенно неожиданно открыться новые способности. Ведь у него такая звучная фамилия, – он улыбнулся уголком рта и похлопал пациента по плечу: – Давай, Иннокентий, не подводи деда!

Вспомнив тот разговор, Анатолий Кузьмич снова тяжело вздохнул, а потом достал из секретного конверта две тысячные бумажки. Затем он неторопливо оделся и вышел из дому, даже не позавтракав.

8

На следующей перемене Тонька подошла к Коршунову и, взяв его под локоток, отвела в сторону.

– А ты крутой, Никитос! – с лукавой улыбкой сообщила она. – Здорово ты вчера того мужика отделал!

Заметив синяк на его скуле, она состроила жалостную мордочку:

– Бедненький! Болит?

– Отстань! – Никита не слишком вежливо дернул плечом.

Тонкая не поняла:

– Ты чего?

– Ничего! Тебе бы только развлекаться! Ты хоть понимаешь, что я под статью могу попасть? Мне же уже восемнадцать!

Тонкая не понимала:

– За что?

Она смотрела на него, по-детски вскинув аккуратно выщипанные брови:

– Ведь ты его не убил!

– Ага, ты все у нас знаешь, продюсер хренов! – в сердцах воскликнул Никита и тут же осекся. – Ладно, Тонь, проехали. Ты, короче, забудь об этом, оки? А если тебя вдруг кто-то спросит: «А чем это ты занималась после колледжа в понедельник?», то скажи, что поехала домой. Домой, поняла?

– Ну, если ты так хочешь... – протянула она. – Но кто меня так может спросить? Не Аннушка же!

Никита вдруг снова нахмурился и, оглянувшись по сторонам, потянул ее за лямку рюкзака:

– Дай мне свой планшет!

Тонька возмутилась от такой наглости и резко отдернула полосатый рюкзачок на себя:

– Зачем он тебе? У же тебя свой есть!

Но Никита не сдавался. Убедившись, что их никто не видит, он ухватился за хвост неизвестного животного, пристегнутый к полосатому рюкзаку.

– Отдай на шесть секунд!

– Зачем?

Тонька уворачивалась, как пантера, но в глазах Коршунова больше не было ни капли вчерашнего интереса к девочке с малиновыми волосами.

– Слушай, кончай дурочку валять! – строго сказал он. – Вадик все снимал вчера на твой планшет. Дай мне, я убью этот файл.

Но Тонька лишь оскалила ровные крупные зубы и, точно дикая кошка, выгнула спину дугой. Потом она резко рванула рюкзак и побежала от своего преследователя, грохоча по коридору своими полуармейскими сапогами на толстой подошве.

Никита на секунду растерялся, но тут раздался звонок, и ему навстречу выбежала целая орда первокурсников. Он погнался было за Тонькой, но ему преградил путь сам директор Скрыгин.

– Коршунов, стоять!

Никита инстинктивно повиновался.

– Ты что, совсем рехнулся? Вот, подожди до апреля – на плацу побегаешь! А теперь быстро в класс!

Обескураженному Никитосу ничего не оставалось, как поплестись в аудиторию, сжимая к кулаке Тонькин меховой хвост. Вид у него был воинственный: он решил потеснить Брееву и сесть рядом со своей вчерашней симпатией. В классе, однако, Тоньки не оказалось, и ему пришлось занять свое обычное место слева от Костяна.

Урок правоведения шел своим чередом, когда он получил от СМС-ку от Тоньки: «Приходи ко мне сегодня. Будем снимать клип с танцем живота». Он тут же поднял руку и попросился в туалет.

В поисках беглянки он обошел все три этажа, но везде было пусто. Наконец, он заметил знакомый черно-розовый свитер под лестницей, возле гардероба. Она сидела к нему спиной и, по всей вероятности, слушала музыку, мотая головой в такт.

– Эй, ты чего не на паре? – строго спросил Никита, вынув из ее уха одну из затычек.

Полосатая кошка хотела вырваться, но увидев, что путь к отступлению отрезан, прижала к груди розовый планшетик:

– Я уже все стерла, правда!

Коршунов недоверчиво посмотрел на нее и уселся рядышком на подоконнике:

– Да ладно, Тонь, не парься. Я тебе верю. Правда!

– Да ладно! – буркнула она в ответ и снова засунула в ухо динамик.

К Никите вдруг вернулась прежняя нежность. Ему захотелось взять обеими руками это бледное личико и долго-долго целовать малиновую макушку и зеленые глаза.

Но вместо этого он лишь дурашливо протянул:

– Ну, спасибо тебе!

Тонька подвинулась к нему и, вынув правый наушник, засунула ему в левое ухо:

– Класс, правда?

Они просидели бок о бок минут пять, слушая какой-то идиотский рэп. Никита с замиранием сердца вдыхал запах ее волос – какой-то по-девчачьи сладкий. Он аккуратно прильнул к ней, положил ей руку на талию и закрыл глаза. Ему вдруг почудилось, что они лежат вдвоем к гамаке и слушают шум прибоя.

Но Тонкая, казалось, не замечала его расположения. Она не отталкивала его, но по-прежнему двигалась всем телом под ритм музыки. Никите это, наконец, надоело и он вынул наушники – и из своего, и из ее уха:

– Ты мне про какой-то танец написала.

Тонкая соскочила с подоконника:

– Ну да. Танец как танец. Его на востоке танцуют. Или даже на юге. Мы с одной девчонкой в студию ходим.

Никитос с интересом поглядел на полосатую хищницу:

– И что, ты хочешь, чтобы я тебя поснимал?

Она пожала плечами:

– Ну да. Если придешь часов в семь, я как раз освобожусь.

Никита сглотнул слюну.

– Ладно, – лениво протянула Тонька. – Я пошла. Преподу скажи, что у меня живот заболел. Помнишь, где я живу?

Никита кивнул с деланным равнодушием. Еще бы он не помнил! В своих снах он уже столько раз проделывал этот путь.

– На, прицепи, – протянул он оторванный хвостик, и Тонька ловко прицепила меховой аксессуар к черно-белому рюкзачку.

Глядя, как она выходит из здания и идет по аллее парка, Никита вдруг совершенно забыл о вчерашнем происшествии и сегодняшних опасениях. Перед его глазами были пальмы, море и загорелый Тонькин живот. Он подумал, что снимать надо будет в замедленном темпе. Ему совсем не хотелось возвращаться на лекцию. От нечего делать он стал вспоминать, как снял свой первый удачный ролик.

Недели две тому назад он остановился, чтобы сделать сэлфи на фоне одной прикольной рекламы. Он встал возле рекламной коробки и уже вынул смартфон, как тут прямо на его глазах произошла авария. Метрах в пяти от него мотоциклист внезапно подрезал легковушку. Тачка закрутилась, пошла юзом и зацепила еще пару машин. Байкер с ревом укатил, а три машины еще покрутились на дороге и перегородили целых три полосы.

Никита тут же сообразил, что это прикольный сюжет для Ютуба. Он снимал минут пятнадцать: как на тротуаре собралась толпа, как подъехали менты с мигалкой, а потом и «Скорая», как из побитой легковушки выволокли два тела и положили на асфальт. Водя смартфоном туда-сюда, он искренне надеялся, что ему хватит зарядки доснять все происшествие.

Дома он перекачал видео на компьютер, наложил римейк из «Берегись автомобиля», смонтировал крутой клип и выложил его в Сеть. Зачем он это сделал – Никита и сам не знал. Наверное, ему просто нравилось снимать, монтировать и, микшировать. Ну, конечно, он не исключал и возможности слегка заработать на всем этом.

В прошлую пятницу ему вдруг пришел месседж с Ютуба. Оттуда сообщали, что за две недели его клип посмотрело двести тысяч человек, и предлагали продолжить сотрудничество.

За передачу авторских прав ему предлагалось получить пять тысяч рублей. Он тут же настроил ответ и уже через полчаса обналичил бабки. Вот это было, действительно, прикольно!

Он достал смартфон и нашел в Яндексе карту их района. До старого четырехэтажного дома, где жила Тонька, от колледжа было двадцать три минуты пешком.

9

В это двухэтажное здание на улице Первой Революции Скрягину уже довелось заезжать пару раз. Постройка была старой, приземистой и какой-то невразумительной. На плане сверху она была похожа на причудливо изогнувшуюся гусеницу. Фасад, смотрящий на улицу, впечатлял помпезностью евроремонта, но если зайти с заднего двора, то этот же самый дом поворачивался к гостю совсем иной стороной – заброшенной и обветшалой.

Когда-то здесь располагался секретный завод. Лет пятнадцать тому назад предприятие закрыли, а все его здания, в том числе и это, распродали разным хозяевам. Нескладному сооружению, где когда-то испытывали авиационные двигатели, придали новый имидж: фасад отштукатурили, вставили массивную дубовую дверь с позолотой, поставили возле нее двух львов, покрашенных под мрамор и произвели не менее впечатляющие перемены. Яркая неоновая реклама на крыше зазывала в прохожих в развлекательный комплекс «Огонек». Владелец заведения Тельман Исмаилович Мамцуров приходился Скрягину дальним родственником по линии жены.

Когда они встретились тут в первый раз три с лишним года назад, владелец «Огонька» принял Василия Петровича весьма радушно. Скрягин тогда вышел в отставку и искал непыльную работу. Он также остро нуждался в средствах, так как собирался сочетаться законным браком с родственницей Мамцурова. Он был не прочь стать компаньоном будущего свояка, но тот лишь неопределенно сказал: «Всему свое время». В непыльный бизнес Мамцуров его не пригласил, но десять тысяч долларов ссудил без всяких условий.

– Когда сможешь, тогда и вернешь, – уклончиво сказал он тогда.

И вот вчера Скрягину позвонили из приемной Мамцурова и пригласили на встречу.

Василий Петрович припарковал свою белую «Тойоту» за углом бывшего КБ и велел Валику ждать его в машине. Утро было хмурым, под стать настроению директора колледжа. «Черт бы тебя побрал, – без всякого пиетета думал он про дальнего родственника. – С твоими-то доходами мог бы и забыть про эти баксы. Да и я, осел, зачем-то связался с этим кавказцем!»

Скрягин поднялся по массивным гранитным ступеням, открыл дубовую дверь с позолотой и оказался перед рамкой безопасности. Безликий секьюрити в ослепительно белой рубашке проверил его паспорт, что-то произнес в рацию и указал на дверь с табличкой «Только для персонала».

Скрягин пошел по коридору. Чем дальше он шел, тем сильнее колотилось его сердце. Дойдя до нужной двери, он набрал в грудь побольше воздуха и аккуратно постучал.

Юноша-секретарь, служивший в приемной у Мамцурова, вежливо поздоровался с посетителем и кивнул ему на дверь в кабинет шефа.

«Черт!» – снова пронеслось в голове у Скрягина, и он шагнул в кабинет, точно в камеру пыток.

Тельман Исмаилович был небольшого роста. Спинка черного кожаного кресла возвышалась над его желтой лысиной. Одет он был с иголки – в серый костюм с отливом и белоснежную рубашку. Несколько вычурный галстук был закреплен бриллиантовой заколкой. Стол красного дерева внушительных размеров был пуст, если не считать золотого телефона, кото-

рый чуть вибрировал перед хозяином. Тельман Исмаилович сидел, точно школьник за партой, положив перед собой обе руки. Запонки на ослепительно-белых манжетах были, как и положено, золотые. Правая кисть была крупной, с частыми черными волосками. Вместо левой на столе покоилась блестящая стальная клешня.

Скрягин почувствовал, что его сердце ушло в пятки и приготовился к самому худшему.

Мамцуров улыбнулся, отчего его черные с проседью усы чуть разъехались в разные стороны. Здоровой рукой он указал гостю в сторону маленького кожаного диванчика:

– Василий, дорогой! Рад тебя видеть! Заходи, садись.

Скрягин с опаской опустился на неудобное сиденье и тоже изобразил улыбку:

– Спасибо, что не забываете, Тельман Исмаилович! Всегда рад вашему приглашению.

Кожаный диванчик издал утробный звук и засосал гостя, как булькающая трясина.

– Ну, как живешь? Рассказывай! – живо поинтересовался хозяин, повернувшись в сторону увязшего Скрягина.

Василий Петрович попытался принять удобное положение и как-то смешно дернулся вперед:

– Да нормально живу, работаю. Спасибо.

Он изо всех сил старался не косить глазом на стальную клешню.

– А супруга твоя как? – продолжал Мамцуров непринужденную светскую беседу. – Все так же красива?

«Из-за этой чертовой красоты я и увяз в этом болоте!» – со злостью подумал Скрягин. Именно с подачи своей невесты он влез в кабалу к нечистой силе.

– Милена велела вам кланяться и звать в гости. У нее все по расписанию: массаж, шопинг, салон красоты, – пытался пошутить он, но вышло как-то невесело.

– Ну, женщины, они и есть женщины, – резонно заметил дальний родственник, разводя обеими руками. – Они нас развлекают, а мы за это должны на них работать.

Скрягин почувствовал, что настало время расплаты.

Лицо Мамцунова тоже стало серьезным.

– Ты, Василий, наверное, догадываешься, зачем я пригласил тебя? – спросил он без тени улыбки.

Скрягин утвердительно покачал головой, глядя в пустоту.

– И что скажешь?

Скрягин откашлялся и поправил съехавший галстук.

– Я вам очень благодарен, Тельман Исмаилович, за ту помощь, которую вы мне оказали три года назад. И я готов вернуть вам всю сумму.

«Вот дьявол! Придется все снять без процентов!» – снова пронеслось в голове у директора колледжа.

Мамцуров выдержал паузу и произнес:

– Это хорошо, что ты помнишь, Василий. Как говорят у вас в России, должок и платежок.

Скрягин почувствовал, что у него зачесалось в носу. Дальний родственник, явно, к чему-то клонил.

– А ты у меня еще ни разу не отдыхал? – вдруг спросил Мамцуров, точно только что вспомнил, что руководит крупным развлекательным комплексом.

– Нет, – как-то виновато ответил гость. – Как-то все не соберемся с Миленой. Но если вы приглашаете...

Мамцуров усмехнулся, отчего его большой нос наехал на щеточку усов.

– Да-да, мы с удовольствием! – прохрипел Скрягин. Ему все больше не хватало воздуха в этом спертom кабинете, который, вероятно, никогда не проветривали.

– Да, как-нибудь, – покачал головой хозяин «Огонька». – Но теперь ближе к делу.

Улыбка снова сползла с его лица, отчего он стал похож на притаившегося хищника.

– Я слышал, ты с молодежью работаешь? – глядя Скрягину в глаза, спросил он. Тебя сейчас проведут по нашему центру, чтобы ты сам все увидел. Мы создали идеальные условия для молодежи. Ты, кстати, Василий, с другими директорами дружишь? Ну, колледжей там всяких, институтов, университетов?

Скрягин неопределенно кивнул.

– Анзор! – вдруг крикнул Мамцуров. – Поди сюда!

В кабинет вошел смуглый юноша из приемной.

– Отдай ему коробку, – распорядился хозяин кабинета, обращаясь к помощнику. – Так вот, Василий, – он снова повернулся в сторону гостя. – Я тебе дал десять тысяч долларов по старому курсу. Это по курсу сегодняшнему десять тысяч клиентов.

Лицо Скрягина вытянулось от недоумения.

Мамцуров усмехнулся:

– Это шутка. С тебя всего тысяча клиентов. Мы же родственники! Вот тут – и с этими словами он указал на самую обыкновенную коробку, в каких продают бумагу для офиса, – тут для тебя десять тысяч флаеров. Видишь, как я о тебе позаботился? Тебе надо их раздать. На каждом листочке есть номер. Анзор, покажи!

Скрягин с опаской взял цветной билетик, на котором значились разные цифры.

– Так вот, дорогой. Приведешь мне тысячу клиентов – и считай, что мы в расчете. Где ты будешь раздавать флаеры – меня не касается. Мне нужны клиенты, понимаешь? Ты же сам хотел в мой бизнес, да? Давай, дорогой!

Деревянными руками Василий Петрович Скрягин взял увесистую коробку и ретировался. Смуглый Анзор выпустил его через заднюю дверь.

10

Увидев шефа с коробкой в руках, Валик быстро вылез из машины и заботливо открыл ему заднюю дверцу. Не говоря ни слова, Скрягин пихнул увесистую коробку на сидение.

– Чего стоишь? – зачем-то сорвался он на секретаря. – Давай садись, уже на работу пора!

Макушин никак не отреагировал на грубость шефа и с достоинством занял место рядом с коробкой. Скрягин сел за руль и выжал сцепление. Помощник искоса поглядел на него, но ни о чем не спросил. Проехав до конца улицы Первой Революции, они развернулись и взяли курс на Забавинскую слободу.

Чтобы скрасить тягостное молчание, Скрягин потыкал пальцем кнопку магнитолы, ловя какой-нибудь шансон. В эфире почему-то были помехи, и он выключил радио.

Они проехали так минут двадцать, как вдруг Макушин сказал:

– Вы, Василий Петрович, меня вчера просили цветочки организовать для Анны Петровны...

– А-а... – неопределенно протянул Скрягин. – Ну и как?

Ему сегодня было решительно не до поздравлений – настолько его озадачил утренний разговор с дальним родственником. С одной стороны, он радовался, что не придется снимать деньги со счета, а с другой был озабочен неожиданным поручением. Он, конечно, догадывался, что рано или поздно придется делать платежи за должок, но никак не был готов раздавать флаеры. Он размышлял о том, стоит ли посвящать Валика в это дело или найти какого-нибудь парня попроворнее. Макушин хорош, когда надо составить список и взять на карандаш. Но если он не выполнил даже такое простое поручение, как покупка одного букета, то стоит ли ему доверить раздачу десяти тысяч рекламных флаеров?

«А не подарить ли их Аннушке на день рожденья?» – нехотая подумал директор при тормозил у цветочного киоска.

Наблюдая, как помощник объясняется с продавщицей, Скрягин с тоской подумал, что Валик с Анзором ровесники, как и Анна Петровна с его Миленой. Он по сравнению с этой желторотой молодежью уже глубокий старик.

«Интересно, а сколько лет Мамцурову? Небось, тоже скоро полтинник», – прикинул майор в отставке.

Наконец, Валик вернулся с пышным букетом роз и радостно предложил:

– А давайте музычку послушаем! Какую-нибудь приятную.

Василий Петрович снова тыкнул пальцем в черную кнопку. Из динамиков раздался над-рывный смех желторотой молодежи. Он резко выключил магнитолау и со злостью взглянул в зеркальце. На заднем сидении розовощекий Валик нюхал цветы и блаженно улыбался.

– Свежих купил? – буркнул Скрягин.

– Да... – мечтательно протянул секретарь. – Белые розы, белые розы, ля-ля-ля– ля!

– Прекрати! – резко оборвал его шеф. – Ты что, не видишь, что мне сегодня не до развлечений?

Валик надул щеки, которых еще не касалась бритва:

– Извините, конечно, Василий Петрович! Я ведь думал, что вы в развлекательный центр ездили. А вы...

Они выехали на большую улицу с трамваями, миновали ТЦ «Забавинский» и, наконец, свернули к серо-кирпичному зданию колледжа.

– Коробку отнеси в канцелярию, – строго распорядился директор, выключая мотор. – Без меня не открывай.

Валик положил букет на картонный ящик, обхватил его обеими руками и, перепрыгивая через мартовские лужицы, потрусил к крыльцу, смешно подбрасывая ноги в белых носках.

Скрягин не торопился вылезать из машины. У него пока не было точного плана, что делать с десятью тысячами цветных бумажек. Каждый флаер обошелся ему в один американский рубль. Интересно, сколько заплатил Мамцуров за печать? От зряшных расчетов Василию Петровичу стало тоскливо.

Только что закончилась третья пара, и студенты высыпали на улицу покурить. Они оживленно болтали и смеялись. В другое время Скрягин прикрикнул бы на курильщиков, но сегодня ему было все равно. Он медленно вылез из своей леворульной старушки-«Тойоты» и не спеша побрел по дорожке к крыльцу. Солнышко зашло за тучу, но в воздухе уже чувствовалась ранняя весна. Снег на газонах почернел, а на черном тротуаре образовались большие лужи, припорошенные противогололедной солью.

Заметив директора, студенты стали шушукаться и тушить сигареты. Не глядя на своих подопечных и не отвечая на их приветствия, директор колледжа взялся за ручку входной двери.

Его путь лежал мимо стола охранника, трех стеклянных шкафов со спортивными наградами, двух стендов «Правила поведения при ЧС» и мужского туалета. Дальше была широкая каменная лестница, которая вела к полукруглой площадке между первым и вторым этажом. В проеме между большими окнами стояла еще одна стеклянная витрина с наградами за военно-патриотическую. Возле нее в специальном укреплении покоились четыре знамени красного цвета. За флагами, точно за ширмой, на подоконнике сидел второкурсник Королев с планшетом.

В другое время Скрягин бы взревел от негодования, но сейчас лишь устало спросил:

– Ты чего здесь сидишь?

Странный второкурсник молчал.

– Давай, иди в аудиторию. Сейчас звонок будет, – также равнодушно велел директор.

Королев оторвался от планшета и взглянул на него абсолютно пустыми глазами. Скрягин вздрогнул. В этом юношеском взгляде было что-то от взгляда Тельмана Исмаиловича. Скрягину стало не по себе, и он почему-то посмотрел на руки студента. Они были такие же бледные, как и лицо.

Скрягин сделал глубокий вдох, потом три раза резко выдохнул. От сердца откатилась горячая волна, а дышать стало чуть-чуть полегче. Директор колледжа взял себя в руки, насупил брови и строго погрозил пальцем:

– Не надо здесь сидеть! Иди на занятия!

Но парень будто оглох. У него, точно, были проблемы с головой.

Полтора года назад этого странного подростка привел к нему в кабинет его дед, который представился как ветеран органов. Отставник сразу стал давить директору на жалость. По его словам, парень когда-то был вундеркиндом, но после травмы головы стал плохо соображать.

«И кто же этого вундеркинда так отделал?» – подумал тогда Скрягин, догадываясь о каком-то темном деле.

Так получилось, что в прошлом году у них был в недобор и грозило сокращение финансирования. Он, на свою голову, понадеялся на бюджетные льготы для студентов-инвалидов и зачислил пришибленного парня на первый курс сразу на второй семестр. А может быть, он по старой памяти, просто решил не связываться с ветераном органов.

«Черт бы вас побрал!» – в сердцах подумал директор про обоих Королевых.

Прозвенел звонок на урок. От резкого звука Инок вздрогнул и поднял глаза от планшета. По широкой лестнице навстречу ему поднималась учительница литературы Анна Петровна с журналом под мышкой. Журнал был желтого цвета, а кофточка на Анне Петровне – голубая. Со второго этажа по узкому пролету навстречу литераторше спускался помощник директора с букетов в вытянутой руке. Розы в букете были белые, а сам букет обернут в розовую бумажку. Встретившись нос к носу на полукруглой площадке возле знамен и витрин, оба сотрудника слегка замялись.

– Анна Петровна! Какая неожиданная встреча! – первым нашелся Валик. – Поздравляю Вас с днем рождения! Этот букетик вам Василий Петрович велел передать!

Анна Петровна от неожиданности тоже открыла рот, но не сразу нашла, что сказать. Наконец, она нерешительно взяла протянутый букет, отчего чуть не уронила журнал.

– Спасибо, Валентин Валентинович. Я очень тронута. Передайте, пожалуйста, большое спасибо Василию Петровичу за его заботу.

Розовая обертка зашуршала. Юноша в черном резко встал с подоконника. И секретарь, и литераторша повернулись в его сторону с открытыми ртами. Они оба только теперь обратили на него внимание.

Лицо Валика стало сердито-надутым.

– А ты чего здесь торчишь? Ну-ка, марш на урок!

Встревоженный Инок глядел на розовый букет, как будто он вот-вот взорвется и разлетится на тысячу шипов и лепестков. Наконец, он сунул планшет в свою сумку, быстро закинул ее через плечо и стремглав побежал вниз по широкому проему.

– Ну какой же странный! – покачала головой Аннушка.

– Да уж. Еще тот подарочек, – сдавленно засмеялся Макушин. – А вы, Анна Петровна, справочку-то принесли?

Королев тем временем уже проскочил мимо задремавшего охранника и выбежал на улицу – как был, в расстегнутой куртке и без шапки. Он вспомнил, что забыл вчера купить цветы для матери.

В раскисшем от тающего снега скверике было пусто. Кеша бежал куда глаза глядят, не разбирая дороги – по лужицам с радужными разводами, по черной липкой грязи, по остаткам мартовского снега. Ему было больно и обидно непонятно от чего. Увидев букет в руке Аннушки, он вдруг вспомнил женщину в белом платье, которая также поднималась по широкой лестнице два с половиной года назад. Он явственно увидел себя – четырнадцатилетнего – и живого, непривычно веселого отца. Они втроем шли навстречу новой счастливой жизни и улыбались. Он силился вспомнить лицо матери, увидеть во всех подробностях ее глаза, губы, волосы и даже очки. Он хотел дотронуться рукой до этого прекрасного далекого лица, но оно уплывало куда-то, и расплывалось, точно мартовское облачко. Все, что он видел перед собой, было кровавое пятно на фоне серого забора.

Под визг тормозов странный юноша перескочил через дорогу и скрылся в подворотне большого старого дома. Ему вслед раздалась визгливая брань.

Скрывшись от прохожих в гулкой подворотне, Инок оглянулся. Перед ним лежал незнакомый дворик, в котором никого не было. Он добежал до детской площадки и плюхнулся на мокрые качели. Поджав длинные ноги и задрал голову, он бессмысленно взглянул в высокое весеннее небо, по которому плыли редкие белые облака. Качели вдруг издали протяжный скрип, похожий на крик раненой птицы. Юноша судорожно сглотнул, перевел дыхание, вытер рукавом набежавшие слезы и достал из сумки планшет.

Теперь, успокоившись, он снова совершенно забыл, куда бежал и зачем. Нажав заветную кнопку, он снова погрузился в виртуальный мир. Серый незнакомый дом, голубое далекое небо и промозглая мартовская погода вдруг отодвинулась от него. В окошке экрана переливалась заставка игры-догонялки, в которую он начал играть еще в колледже.

3-D автомобиль выехал на дорогу и покатил по ней. Автомобиль был красивый, красного цвета, и игрок видел его то сверху, то сбоку, в то изнутри. Сначала путь был ровный, но вскоре начались крутые повороты и препятствия. В окошко заднего вида Инок видел, как к нему приближается мощный мотоцикл. Теперь игроку надо было сделать выбор, чем управлять. Инок уже в пятый раз выбирал красную машину. Ему во что бы то ни стало хотелось, чтобы блестящий мотоцикл взорвался и больше никогда не преследовал машину. Дорога тем временем становилась все уже. Два транспортных средства мчались на полной скорости, нарушая все мыслимые и немыслимые правила движения. Инок твердой рукой вел машину в неизвестность, но мотоциклист тоже не думал поворачивать. На очередном вираже он настигал легковушку и ловко сбивал ее. И авто, и байк меняли траекторию, крутились на дороге и неизбежно сталкивались вновь. Виртуальный байкер вдруг соскакивал со своего мотоцикла и снова продолжал двигаться к бесконечно отодвигающемуся горизонту – теперь уже своими гигантскими прыжками. Игра была закончена. Табло показывало, что Инок вновь не набрал ни одного очка. Компьютерный человечек убежал с места аварии, а мальчик, который на самом деле, остался там, в автомобиле, с ужасом и тоской глядел в погасший экран.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.